

UNITED WISDOM

Эпистемическая несправедливость: когда голосу не дают стать свидетельством

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-32-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Эпистемическая несправедливость: когда голосу не дают стать свидетельством

Эпиграф

> *«В его способности быть знающим».*

Миранда Фрикер, «Epistemic Injustice» (2007), введение, с. 1. Собственный перевод фрагмента “in their capacity as a knower”. Речь об ущербе человеку именно как участнику знания. Введение на сайте автора.

О чём эта статья

Человек сообщает о неисправности. Его выслушивают, кивают и продолжают работу. Через час ту же информацию повторяет более влиятельный коллега, и проблема наконец становится фактом, с которым нужно что-то делать. В этой условной сцене первый участник не был лишён возможности произнести слова. Он был лишён возможности передать знание.

Эпистемическая несправедливость касается таких сбоев признания: кому дают доверие, чьи описания становятся понятными и кто может участвовать в общем понимании события. Понятие не превращает всякое несогласие в дискриминацию и не требует верить любому рассказу. Оно помогает отличить содержательное сомнение от сомнения, заранее прикреплённого к человеку. Статья рассматривает два исходных различения Миранды Фрикер, условия слушания и способы восстановления. Практическая цель — сделать свидетельство доступным для честной проверки, сохранив право на сомнение. Уважительное «я вас услышал» становится существенным только тогда, когда понятно, что именно услышано и какую возможность это даёт рассказчику дальше.

I. Голос может звучать и оставаться исключённым

Право говорить и возможность быть признанным источником сведений не совпадают. Встреча может выглядеть открытой: каждому предоставили две минуты, никто не запретил вопрос. Однако один рассказ рассматривается как информация, другой — как эмоциональная реакция, третий — как шум. Формальное равенство времени скрывает различие статуса.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Миранда Фрикер называет свидетельской несправедливостью (testimonial injustice) снижение доверия к словам человека из-за предубеждения. В её исходной модели важно именно основание снижения: сомнение не становится несправедливым только потому, что рассказчик хотел доверия. Второе понятие, герменевтическая несправедливость, относится к неравным условиям понимания социального опыта. Фрикер, введение, с. 1 и 4–7.

Начальная сцена позволяет увидеть первый механизм. Содержание сообщения не изменилось, а реакция изменилась вместе с говорящим. Это повод исследовать различие доверия. Пока нельзя уверенно назвать причину: второй коллега мог иметь подтверждённую компетентность, первый — историю ошибок. Но если одинаково надёжные сообщения систематически различают по полу, возрасту или происхождению, сомнение касается уже процедуры признания.

Ущерб здесь двойной. Группа пропускает полезную информацию, а человек узнаёт, что его способность сообщать о мире не учитывается. Даже когда сведения позднее приняты, первое исключение не исчезает автоматически. Авторство сообщения, возможность участвовать в исправлении и право объяснить условия могут остаться у другого.

Поэтому точное восстановление начинается не с общей доброжелательности. Нужно вернуть содержание и его происхождение: кто сообщил, что именно, когда и на каком основании. Это не культ первого говорящего. Если он ошибся, ошибка тоже фиксируется. Важно, чтобы путь от сообщения к решению зависел от проверяемого содержания, а не от привычного распределения права считаться знающим.

II. Сомнение имеет право на существование

Доверие необходимо для совместной жизни, но безусловное доверие несовместимо с проверкой. Человек может ошибаться, пересказывать чужой слух или неверно понимать предмет. Требование верить всем одинаково не устраняет несправедливость; оно устраняет различение оснований.

В условном примере сотрудник сообщает, что устройство опасно. Он услышал это от знакомого, но не знает модель и обстоятельства. Другой участник приводит измерения и описание конкретного сбоя. Разное доверие к этим сообщениям уместно. Оно объясняется доступом к предмету и качеством сведений. Уважение к первому человеку сохраняется: его сигнал можно уточнить, не делая его готовым заключением.

Иная ситуация возникает, если тот же подробный отчёт отвергают потому, что автор «слишком молодой» или «не похож на специалиста». Здесь требуется показать, почему признак относится к компетентности именно в этом вопросе. Возраст может иметь связь

с опытом, но не является самостоятельной проверкой сообщения. Внешний вид ещё слабее связывает рассказ с его истинностью.

Полезно различать личное доверие и доверие к утверждению. Можно любить человека и не принимать его причинную гипотезу. Можно не испытывать симпатии и признать достоверное наблюдение. Если эти уровни сливаются, любое уточнение переживается как отказ в близости, а любое принятие факта — как нравственное одобрение рассказчика.

Честное сомнение можно объяснить: не хватает времени события, непонятен источник, есть противоречащее наблюдение. Предубеждённое сомнение часто меняет требования после каждого ответа. Сначала нужны подробности, затем независимый свидетель, затем доказательство, которому всё равно не поверят. Поэтому полезен вопрос к самому слушателю: что могло бы изменить мою оценку? Если ответ отсутствует, проверка, возможно, только изображает открытость, а отрицательный приговор уже вынесен.

III. Форма речи не определяет качество сведений

Уверенность помогает сообщению звучать убедительно, но не гарантирует его достоверности. Волнение, пауза и непривычный язык могут мешать слушателю, оставаясь совершенно совместимыми с точным наблюдением. Признать это особенно важно в разговорах о событиях, которые имеют большую цену для рассказчика.

Условный участник жалуется на повторяющееся перебивание и сам сбивается с рассказа. Другой описывает ситуацию стройно, используя знакомые деловые формулы. Слушатель склонен довериться второму. Но стройность может отражать привычку выступать, а пауза — необходимость подбирать слова для опыта, который прежде не обсуждали. Чтобы оценить сообщение, нужно вернуть внимание к событиям.

Это не означает, что форма вообще не имеет значения. Несвязный рассказ может затруднять проверку; термины могут скрывать противоречие. Однако трудность понимания и ложность — разные выводы. Можно помочь разделить эпизоды, уточнить последовательность и повторить услышанное своими словами, оставляя человеку возможность исправить пересказ.

Особая опасность возникает, когда требование спокойствия применяется только к менее влиятельному участнику. Один человек повышает голос и выглядит решительным; другой — недостоверным. Само различие нужно устанавливать по случаям, а не угадывать из общей теории. Но правило оценки должно выдерживать сравнение: одинаково ли речь влияет на рассмотрение содержания?

Внутренняя работа слушателя состоит в способности задержать мгновенное впечатление. «Мне трудно следить» не равно «этот человек ничего не знает». «Мне знаком его язык» не равно «он прав». Короткое уточнение иногда позволяет получить полезные сведения, которые потерялись бы из-за формы. Это небольшое изменение отношения: человек становится собеседником, с которым можно восстановить смысл, а не объектом оценки по тому, насколько удобно он этот смысл доставляет.

IV. Иногда не хватает общего языка

Герменевтика — работа понимания и истолкования. Герменевтическая несправедливость возникает не при любом недостатке слова, а при неравных условиях участия в общем объяснении опыта. Людям труднее осмыслить и сообщить существенное событие, если доступные понятия создавались без их участия.

Во введении Фрикер приводит пример сексуального домогательства в среде, ещё не располагающей соответствующим критическим понятием. Используется философский пример структуры проблемы; здесь не пересказывается вся история появления термина. Фрикер, с. 1 и 6–7.

Условная рабочая сцена показывает более общий вопрос. Участник пытается объяснить, что обязан быть доступным вечерами, хотя формально рабочий день завершён. У организации есть слова для смены, сверхурочной задачи и добровольной помощи. Ни одно точно не описывает повторяющееся ожидание. Если человек выбирает неподходящее слово, его жалобу легко отвергнуть по определению: «Это ведь не сверхурочная работа». Обсуждение закончено до рассмотрения события.

Но появление нового названия тоже не решает всё. Слово может быть слишком широким и объединять разные ситуации. Тогда требуется описать условия: кто ожидает ответа, что происходит при отказе, как часто это повторяется? Новый термин должен помогать проверке, а не заменять её.

Важное различие проходит между человеком, которому пока трудно выразиться, и человеком, который якобы не имеет осмысленного опыта. Первая формулировка оставляет работу для участников разговора. Вторая закрывает её и возлагает весь недостаток на рассказчика. Иногда достаточно разрешить несколько описательных фраз вместо выбора готовой категории. Смысл становится доступным раньше, чем появляется окончательное имя. Это начало совместного понимания, а не подтверждение любой последующей теории.

V. Понятие помогает и может захватить опыт

Название позволяет соединять случаи, замечать повторение и обсуждать изменение. Но оно способно также начать диктовать человеку, что именно с ним произошло. Когда готовая категория предшествует описанию, рассказ подгоняется под неё и теряет детали.

В условном разговоре человек узнаёт термин эпистемической несправедливости и впервые понимает, почему его раздражает способ ведения совещаний. Это может быть полезным различением. Однако если каждое несогласие теперь считается подтверждением термина, он перестаёт видеть содержательные возражения. Понятие стало защитой от проверки, хотя должно было её улучшить.

Поэтому термин лучше применять после описания механизма. Снижается ли доверие? Почему? Кто имеет доступ к сведениям? Какие условия могли бы объяснить разницу иначе? Раздельные ответы дают более точную картину, чем спор о том, заслуживает ли событие громкого названия. Даже если окончательная классификация остаётся открытой, конкретное правило общения иногда уже можно улучшить.

Не вся несправедливость эпистемическая. Невыплаченная премия может быть трудовой проблемой, неподходящий срок — организационной, грубая реплика — межличностной. Эпистемический аспект появляется, когда затронута способность участвовать в знании: сообщение не признают, объяснение не допускают, вопрос исключают заранее. В одном событии могут сочетаться несколько аспектов, но их не нужно сливать в одно слово.

Фрикер в поздней работе «Evolving Concepts of Epistemic Injustice» обсуждает развитие понятия и его связь с прямой или косвенной дискриминацией. Это помогает сохранять открытость к новым случаям без превращения термина в обозначение любой неудовлетворённости. Фрикер, 2017, начальные страницы. Точность понятия защищает и рассказчика: если механизм назван конкретно, гораздо легче объяснить, какую процедуру следует изменить.

VI. Молчание имеет разные причины

Отсутствие сообщения не доказывает отсутствие знаний. Человек может молчать потому, что не знает, устал, не хочет обсуждать или ожидает бесполезности разговора. Один внешний признак скрывает разные решения и условия. Уважение к молчанию требует не приписывать ему единственный смысл.

В статье «Silence and Institutional Prejudice» Фрикер различает навязанную невозможность быть услышанным и внимательное молчание слушателя. Она также показывает, что не каждый случай недостаточного доверия является несправедливым:

возможна невиновная ошибка о компетентности человека. Фрикер, с. 1–5 авторского PDF.

Для условной команды это означает две проверки. Кого не спрашивают, хотя у него есть сведения? И что происходит после того, как его всё-таки спросили? Приглашение мало помогает, если ответ не входит в решение. После нескольких таких эпизодов участник может сократить сообщения. Затем сокращение ошибочно принимают за отсутствие инициативы.

Однако нельзя извлекать признание силой. Право быть услышанным включает право не говорить. Человек может не желать делиться событием даже в доброжелательной среде. Полезное приглашение объясняет предмет и оставляет отказ без наказания. Оно не требует доказать наличие скрытого опыта и не обращает молчание в ещё одну обязанность рассказчика.

Со стороны слушателя молчание может быть активным действием: дать закончить описание, не поспешить с собственной категорией, не заполнить паузу советом. Но оно также может стать уклонением. Если человек рассказал о конкретной проблеме и ждёт понятного ответа, бесконечное «пространство для высказывания» не заменяет рассмотрения. Поэтому важно связать слушание с дальнейшим шагом: что установлено, что уточняется, кто отвечает и когда разговор вернётся к результату.

VII. Система способна исключать без грубой реплики

Предубеждение может действовать через процедуру, а не только через личный выпад. Форма принимает одни виды сообщений, расписание исключает часть участников, правило жалобы требует сведений, доступных только другой стороне. Внешне люди соблюдают инструкцию; фактически важное свидетельство не проходит.

Рассмотрим условную службу поддержки. Чтобы сообщить о пропавшем документе, нужно указать номер этого документа. Пользователь номера не получил. Его сообщение возвращается как неполное. Здесь пока не доказана дискриминация или эпистемическая несправедливость в строгом смысле. Но уже обнаружен механизм: человеку закрывают путь передачи сведения о сбое посредством требования, несовместимого с самим сбоем.

Такой анализ полезнее раннего обвинения в злонамеренности. Можно проверить условия формы и создать альтернативный путь. Затем посмотреть, кого прежнее правило затрагивало особенно сильно и почему. Если оно систематически исключало определённую группу из признания её сообщений, вопрос о несправедливости получает более определённое основание.

Фрикер в работе об институциональном предубеждении ставит вопрос не только об индивидуальном слушателе, но и о справедливости публичных институтов. Здесь этот довод применяется к устройству доступа как философское сопоставление; конкретные службы не объявлены исследованными. «Silence and Institutional Prejudice».

Ответственность за процедуру нельзя целиком переносить на рассказчика. Обучить человека правильно заполнять форму полезно, если форма соответствует событию. Если нет, обучение только делает исключение менее заметным. Система должна иметь способ распознать собственную границу. Иначе техническое «не принято» постепенно превращается в человеческое «не существует», а отсутствие записи служит доказательством отсутствия проблемы, которую сама запись не позволила сообщить.

VIII. Восстановление требует следа

Признать пропущенное сообщение — начало исправления, но не вся работа. Нужно понять, какое решение было принято без этих сведений, что требует пересмотра и как вернуть человеку место в дальнейшей проверке. Извинение без изменения процедуры может оставить механизм прежним.

В начальной сцене второй коллега повторил сообщение о неисправности. Команда способна просто устранить сбой. Но тогда первый участник снова оказывается лишь поводом для события, которое оформляют другие. Более точное действие — отметить первоначальное сообщение, уточнить его основание и включить автора в проверку, если он желает участвовать.

Это не требует публичной церемонии. Иногда достаточно исправить протокол, вернуть ссылку на исходное наблюдение и назвать новое правило обработки подобных сигналов. Масштаб восстановления зависит от масштаба ущерба. Если решение затронуло многих, нужно проверить последствия; если проблема ограничена одной беседой, ясного исправления пересказа может быть достаточно.

Важно также не обещать невозможного. Система может признать несправедливое исключение, но не восстановить потерянное время или упущенную возможность полностью. Честный ответ различает то, что исправлено, что остаётся и что предлагается дальше. Он не превращает признание в требование простить или немедленно продолжить сотрудничество.

След позволяет проверить результат. Кто теперь получает сообщения? Изменились ли основания доверия? Сохранилась ли возможность сообщить неудобное? Один благополучный эпизод не доказывает постоянного исправления. Но и бесконечный общий аудит не нужен для малой конкретной ошибки. Нужна соразмерная проверка исходного механизма. Восстановление считается содержательным, когда человеку

снова доступно действие, которого его лишили: предложить сведения, получить объяснение решения и, при необходимости, возразить.

IX. Слушатель тоже может не знать

Хорошее слушание включает признание собственной ограниченности. Иногда человек не понимает рассказ, потому что не знает контекст или термины. Это не делает его виновным автоматически. Но после обнаружения границы у него появляется выбор: спросить, отложить суждение или объявить непонятное бессмысленным.

Условный руководитель впервые слышит описание работы, происходящей между официальными задачами. Он может сказать: «Такого процесса у нас нет», потому что его нет в схеме. Может спросить: «Какие действия вы имеете в виду?» Второй ответ не подтверждает жалобу. Он позволяет проверить, соответствует ли схема фактической работе.

Признать незнание бывает трудно, если роль требует уверенности. Но уверенность в собственной процедуре может скрывать отсутствие сведений. Тогда слушатель защищает авторитет ценой потери знания. Более устойчивый авторитет способен различить: я отвечаю за решение, но не знаю всех обстоятельств; мне нужно услышать участника, который их наблюдал.

Джон Стюарт Милль в главе II «О свободе» связывает понимание позиции с серьёзным рассмотрением возражений, а не только собственного пересказа оппонента. Здесь это либеральный философский довод об обсуждении, а не готовая теория Фрикер. Милль, глава II.

Есть и предел ожидания. Один слушатель не обязан становиться специалистом по всем возможным опытам. Он может обозначить ограничение и найти другой канал рассмотрения. Но передача не должна быть способом бесконечно отправлять человека дальше. Нужен понятный следующий участник и сохранённый предмет обращения. Иначе незнание слушателя становится повторяющейся нагрузкой рассказчика, который каждый раз начинает заново и никогда не получает возможности довести свидетельство до решения.

X. Справедливость к рассказу не назначает победителя

Два человека могут искренне описывать одно событие по-разному. Их право участвовать в знании не обязывает признать оба объяснения верными. Справедливая процедура сохраняет возможность несогласия и различает противоречие, перспективу и неизвестность.

В условном споре один сотрудник говорит, что его предложение отвергли без рассмотрения. Другой помнит содержательное возражение. Можно проверить запись, последовательность и критерий решения. Если записи нет, остаются два свидетельства. Не нужно выбирать победителя по уверенности голоса или по заранее назначенному положению жертвы. Допустимо сохранить неизвестность и изменить правило фиксации следующих решений.

Справедливость также относится к человеку, чьи действия критикуют. Понятие предубеждения нельзя использовать как способ запретить ему объяснение. У него могут быть сведения об обстоятельствах, которых рассказчик не знает. Рассмотрение этих сведений не отменяет возможности несправедливости; оно помогает установить её точнее.

При этом симметрия не требует одинакового риска. Один участник контролирует документы, другой зависит от его решения. Формально равный запрос «предъявите доказательства» может фактически означать разные возможности. Поэтому равенство правил следует соединять с оценкой доступа. Недостающий документ нельзя требовать от того, кому его никогда не выдавали.

Итог может быть ограниченным: содержание сообщения достаточно для проверки сбоя, причина прежнего недоверия не установлена. Такой результат позволяет действовать, не выдумывая мотива. Он также не закрывает следующий вопрос, если появятся новые сведения. Достоинство рассказчика сохраняется не обещанием обязательной победы, а реальным правом быть рассмотренным по содержанию. Для всех участников это более прочное основание, чем доброжелательность, зависящая от того, насколько удобно звучит их версия.

XI. Право знать связано с правом менять общее объяснение

Человек участвует в знании не только как поставщик фактов. Он может предложить различение, поставить новый вопрос и оспорить принятое описание. Если ему оставляют только роль источника материала, а толкование заранее принадлежит другим, его участие ограничено.

В условном проекте собирают рассказы пользователей, затем сообщают, что все трудности объясняются недостаточной привычкой. Один участник возражает: инструкция требует шага, который невозможно выполнить. Если его допускают только рассказать о неудобстве, но не обсуждать объяснение, знание теряет важную проверку. Участник может быть неправ, однако его вопрос должен получить содержательный ответ.

Это не означает, что каждый собеседник имеет одинаковую компетентность во всех теориях. Вопросы различаются по предмету. Но компетентность не даёт права объявлять

сообщение несущественным до рассмотрения его связи с выводом. Даже короткое возражение иногда обнаруживает скрытую предпосылку системы.

Фрикерский вопрос о человеке как знающем поэтому имеет практическую глубину. Он касается того, может ли человек изменить не только отдельную строку записи, но и способ, которым группа понимает происходящее. Признание этой возможности не гарантирует, что группа примет изменение. Оно сохраняет обязанность рассмотреть его основания.

Вернёмся к сообщению о неисправности. Исправленный механизм позволяет первому участнику сказать не только «устройство остановилось», но и «вы не замечаете, при каких условиях это повторяется». Тогда голос становится свидетельством и вопросом. В общей картине появляется новое различие. Именно здесь справедливость и знание встречаются: человек получает место в понимании мира, а группа получает возможность увидеть то, чего её прежние правила не позволяли заметить.

XII. Доверие можно восстановить, не требуя забыть случившееся

После исправления процедуры у человека может оставаться сомнение в том, что следующий рассказ действительно рассмотрят. Это не обязательно упрямство или отказ сотрудничать. Прежний опыт сообщил ему определённые сведения о среде, а новые обещания пока не дали сопоставимого основания для пересмотра.

В условной команде руководитель объявляет, что теперь предложения будут фиксировать вместе с авторством. Участник, которого несколько раз игнорировали, не спешит говорить. Было бы несправедливо требовать немедленного доверия как доказательства его доброй воли. Надёжнее предложить небольшой проверяемый шаг: обсудить один вопрос, сохранить результат и дать возможность увидеть запись. Новая информация о процедуре появляется через действие.

При этом никакая сторона не обязана бесконечно доказывать собственную моральную полноценность. Цель восстановления — рабочая возможность, а не окончательный приговор личности. Можно договориться об ограниченном формате, определённом сроке и понятном способе остановить обсуждение. Если участие слишком дорого или нежелательно, отказ сохраняется как право, а не трактуется как признание неправоты.

Полезно отличать прощение от изменения ожиданий. Человек способен продолжить совместную работу, ещё не простив эпизод. Может признать исправление, но выбрать другую среду. Может сохранить доверие к одному участнику и сомнение в общей

системе. Эти решения относятся к его жизни; теория справедливого слушания не назначает за него нужный итог.

Содержательный результат виден в новых условиях. Сообщение получает понятный путь, авторство сохраняется, сомнение объясняется и ответ допускает возражение. Если эти действия повторяются, у человека появляется основание обновить ожидание. Доверие тогда не покупают красивым обещанием и не требуют как обязанность. Его постепенно поддерживает опыт, в котором голос действительно может стать знанием и повлиять на общий выбор.

Что это значит на практике

Начните с одного эпизода, в котором сообщение было пропущено или отвергнуто. Запишите содержание, источник и основание реакции. Не требуется немедленно ставить диагноз отношениям или назвать человека предубеждённым. Сначала определите, что именно не получило рассмотрения.

Отделите три вопроса: верно ли сообщение, достаточно ли оснований для доверия и справедливо ли устроена процедура. На них могут быть разные ответы. Человек мог ошибиться, но столкнуться с неравным правилом; мог сообщить верное, а причина прежнего недоверия остаться неизвестной. Такое различение предотвращает слишком широкий приговор.

Если вы слушатель, попросите один конкретный пример, дайте возможность исправить пересказ и назовите, какие сведения изменят оценку. Проверьте, применяете ли тот же порог к другим людям. Если не понимаете описание, скажите, какой именно части не хватает, вместо общего «это субъективно».

Если вы рассказчик, можно сформулировать запрос к процедуре: «Хочу, чтобы это наблюдение проверили», «Нужно уточнить, почему одинаковые сообщения получили разные ответы», «У предложенной категории не хватает условия». Вы не обязаны доказывать общую теорию своей жизни ради одного вопроса и вправе отказаться от небезопасного раскрытия.

Для совместной работы сохраните след: сообщение, рассмотрение и результат. Исправьте не только формулировку, но и путь следующего обращения. Принятый факт, подтверждённая несправедливость и успешное изменение — разные результаты. Хорошее слушание позволяет различить их и продолжить разговор без требования обязательного согласия или немедленного прощения.

Ключевая цитата

> *«Тот, кто знает только свою сторону дела, мало знает и её».*

Джон Стюарт Милль, «О свободе» (1859), глава II. Собственный перевод: “He who knows only his own side of the case, knows little of that.” Это довод о рассмотрении возражений; он не требует принимать любые сведения без проверки. Текст.

Связи между традициями

Сопоставление	Сходство и граница
Фрикер: свидетельская несправедливость ↔ эпистемология свидетельства	Важны основания доверия. Не каждое ошибочное сомнение является предубеждением.
Герменевтическая несправедливость ↔ совместное описание опыта	Общий язык влияет на понимание. Отсутствие слова само по себе ещё не доказывает неравное участие.
Милль: сильное возражение ↔ справедливое слушание	Обе линии требуют встретиться с чужим доводом. Либеральная защита обсуждения не исчерпывает теорию социального предубеждения.
Фрикер: институт ↔ проектирование формы обращения	Процедура может ограничить передачу знания. Условный технический пример не подтверждает дискриминацию конкретного сервиса.
Внимательное молчание ↔ добровольный отказ рассказчика	Оба сохраняют пространство выбора. Молчание слушателя и навязанное молчание говорящего имеют противоположные функции.

Первоисточники и исследования

1. Miranda Fricker. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing (2007), Introduction. Прочитаны с. 1, 4–7; два исходных понятия, предубеждение, контекст эпиграфа. Полная книга не заявлена прочитанной.

2. Miranda Fricker. Evolving Concepts of Epistemic Injustice (2017). Прочитаны начальные фрагменты авторского PDF; развитие понятия и связь с дискриминацией.

3. Miranda Fricker. Silence and Institutional Prejudice. Прочитаны с. 1–5 авторской рукописи; виды молчания, ошибка о компетентности, институциональный вопрос. Исторический криминальный кейс далее не используется.

4. John Stuart Mill. On Liberty (1859), глава II. Прочитан участок о рассмотрении возражений; ключевая цитата и сопоставление традиций обсуждения.

Теги

эпистемическая несправедливость, Миранда Фрикер, свидетельство, доверие, предубеждение, герменевтика, понимание, молчание, слушание, голос, участие, знание, достоинство, институциональная процедура, авторство, признание, Джон Стюарт Милль, свобода обсуждения, возражение, компетентность, доступ, проверка, неизвестность, интерпретация, форма речи, несправедливость, восстановление, ответственность, общий язык, право на отказ

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.